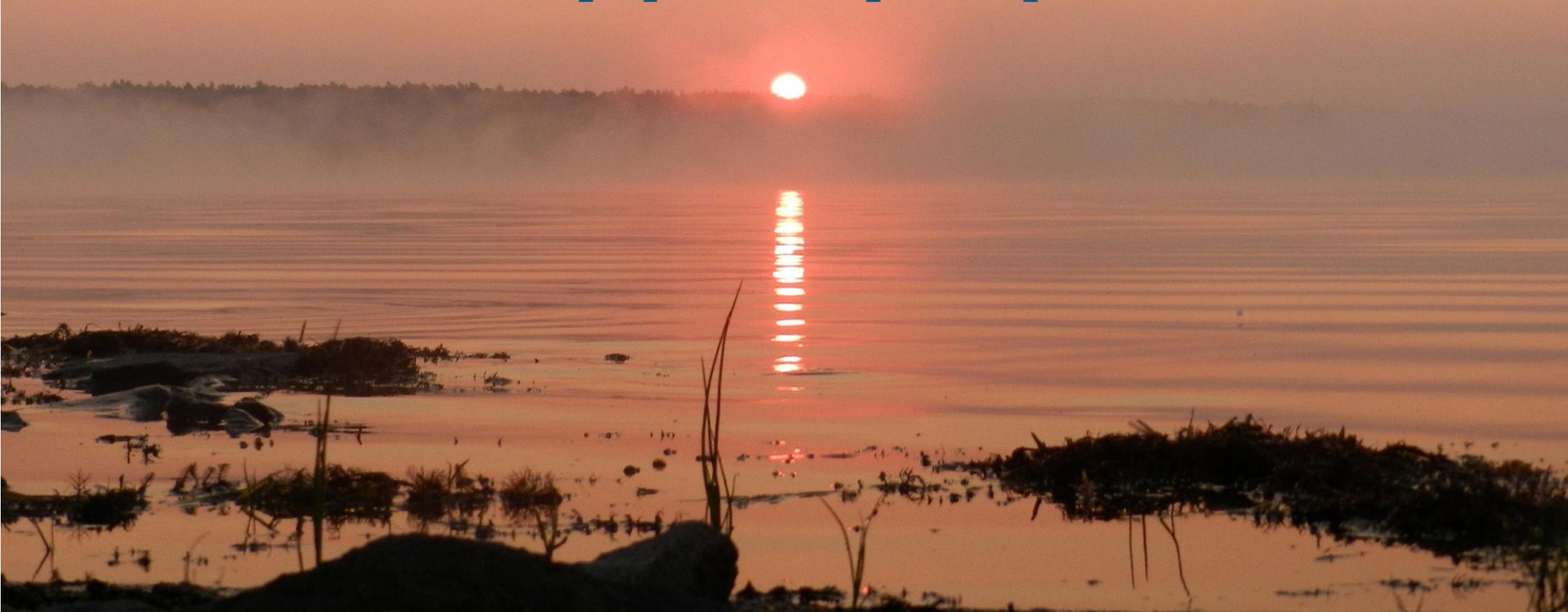

Анатолий Байбородин

ОЗЁРНЫЕ ПЕСНИ

Фотографии Дмитрия Серова

Песнь первая

Печёт солнце, разлившись по серому небу, и в селе безлюдно, лишь старики да старухи посиживают на лавочках, завалинках, дабы на исходе века не упустить погожие деньки.

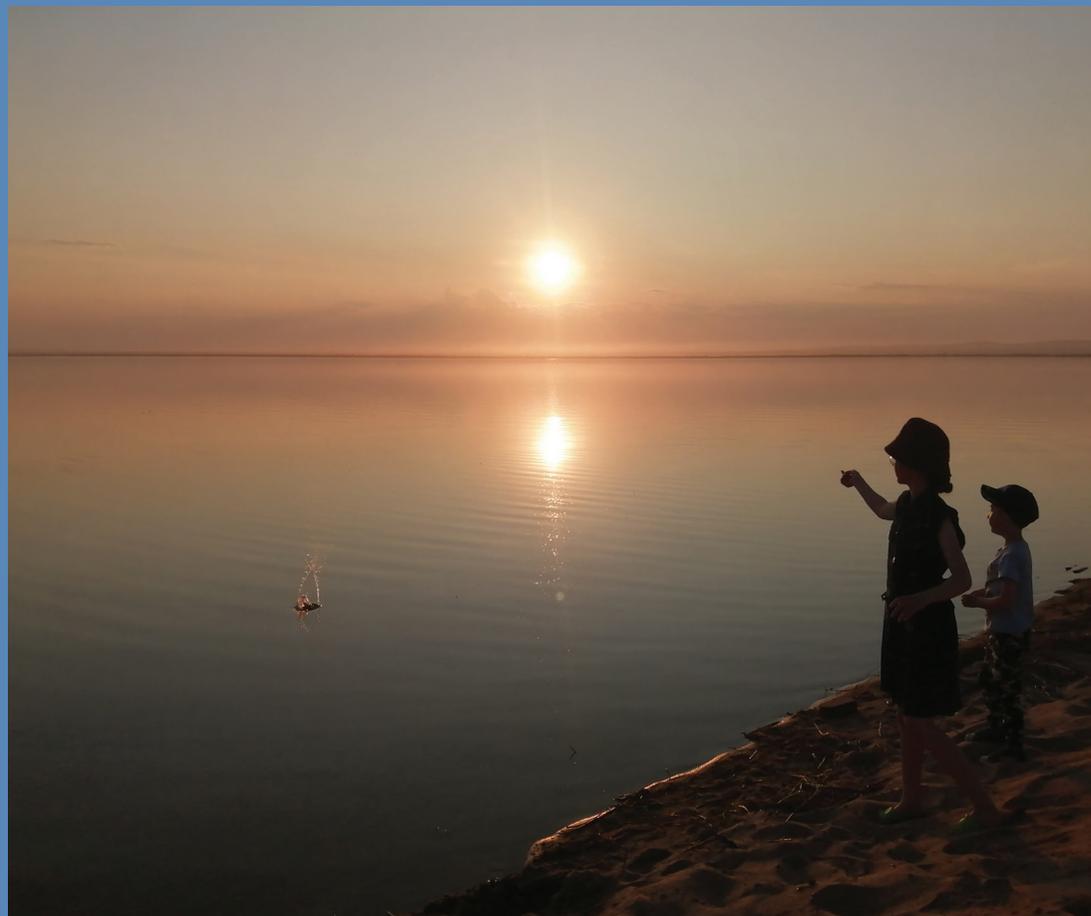
А ребятишки спасаются в Сосновом озере, и над водой, сливаясь с чайчьим плачем, мечутся ликующие детские крики.

Аксинья со старшим сыном приволокли на берег ванну белья, чтобы выполоскать с озёрных мостков; и за матерью увязался трёхлетний сын Ваня, смалу настырный и своевольный. С горем пополам, под хныканье малого, под ворчание старшего, осилившего нынче семилетку, мать спускается по угору к воде и, отдышавшись, с умилением озирает дородную, зеленоватую гладь озера, где уже плещется старший сын.

Оглядевшись, берёт Ваню на руки, забредает по колёно и окунает малого в озеро; парнишка радостно взвизгивает, выворачивается из материнских рук, рвётся к старшему брату. Поставив вольного сыночка на песок, мать вновь забредает в озеро, и, опустив платок на плечи, омывает лицо, плещет на грудь под платье, потом, улыбнувшись, смущённо прикрыв глаза, отрадно чувствует, как отходят в прохладе жарко гудящие ноги.

«Искупаться бы... — гадают мать, глядя как старший сын плавает среди сверстников. — Поглубже и вода прохладнее, не прогрелась... Да, вроде, и неловко — не молоденька, поди...». Смущённо оглядывается на приозёрные избы, сонно темнеющие стеклинами, словно избы присматривают за Аксиньей, потом низко кланяется озеру и вновь плещет на лицо и за ворот платья застояло-тёплую воду. «Благодать-то какая, Господи ты мой милостивый... — Аксинья щурится от слепящего света и сквозь прищур следит, как лениво летит вдоль берега крупная чайка, кою здешние рыбаки опрометчиво зовут бакланом. — Благодать, купель Божия... Ишь, как распогодилось-то...».

Благодать смывает с лица матери будничный морок, словно после затяжных, морозящих дождей в лохматых тучах открылась голубая полынья, где всплыло солнышко и обласкало землю.

Сыто, тихо дремлет Сосновое озеро, а третьего дня бушевало и ярко вздымались пенистые волны во мраке злого и стылого дождя. А нынче благодать, и в озёрной дали чернеют рыбачьи лодки – видно, клюёт мало-мало. Мать вспоминает мужа: с малу привадились к рыбалке, и на фартовой утренней заре мог и полкуля наудить.

А Ваня забрёл в озеро и, почёсывая брюхо, зачарованно смотрит, как веретёшками вьются чайки, впиваясь в озеро, выуживая мелких окушков либо чебачков и, заглотив, с хвастливой заполошностью визжа, вновь кружат над водой. Парнишка, после избяной сумрачной тесноты дивясь озёрному простору, влекомый любопытством, забредает глубже, но тут его осаживает хлёсткий материн окрик:

— Ну-ка, счас же вылезай из воды! А то привяжу к тыну, как иманёнка¹, и хоть ори, заорись... Еще раз увижу в озере, выпорю, вот и все мои сказки. Утонуть захотел...

Выйдя из проулка, вошли в воду сморённые на жару коровёнки и, напившись, обветрившись, задумчиво глядят в озёрную даль, не в силах одолеть озёрные чары и выбрести на берег. А по илистому мелководью снуют деревенские утки, нет-нет, да и зарываясь в зелёную гущу ила, и гуси, глядя на торчащие хвосты, усмешливо гогочут над прожорливыми утками, важно похаживая по сочно-зелёной приозёрной мураве, пощипывая травку, желтеющую мелкими цветочками куриной слепоты.

А по угору, вздымая рыжую пыль, рысит белый конь, и на конской хребтине трясётся без седла средний сын, годом младше старшего; и мать, прищурившись, заслонившись от солнца ладошкой, сокрушается вслух:

— Ох, окаянный, чо вытворят, а! Гольшом, в одних трусах, срамец, по деревне скакал... А конь-то Васи пастуха, его конь. Видно, велел напоить... А я гадаю, куды парень пропал, а парень на коне катается... И рыбу отец велел удить, и картошку тятать, и с малым сидеть, а он прохлаждается, отинь². Ну, задаст баню папаша...

Ваня, что ковырял песок у воды, тоже признал брата и глядит

с дивлением, страхом, как братец, наяривая пятками по конскому брюху, проскакал по мелководью... форсил перед старшим братом... и, загнав коня поглубже, вдруг встал на хребтине во весь рост и под материн испуганный вопль лихо нырнул. Плеснулось озеро в небо, конь, шарахнувшись, кинулся в берег, где... чудо чудное... и дождался своего наездника.

Мать полощет рубахи, кальсоны, девичьи платья, укладывая бельё на дощатые мостки; косится на малого, что скребёт песок плоским, как оладья, крапчатым гольшом; и вот уже изрядная ямка – вроде, сухого озера, куда парнишка... измыслил же... пустил воду из заправдашнего озера, прокопав канавку.

Долго ли, коротко ли, но глянула мать в озеро и замерла в ужасе: Ваня уже забрёл по грудь и, угодив в яму, скрылся... С диким воплем кинулась мать в озеро, беспамятно выхватила сына из воды и, не помня себя, прижимая родимого к груди, отбежала подальше от берега, распугав гусиную стаю. Опамятовав, видя, что сын цел-невредим, а побледнел, заплакал, испугавшись её испуга, стала всего исцеловать от пупка до глазонек с висящими в ресницах гроздьями слёз.

Очнулась лишь тогда, когда Ваня, посинев от тисканий и целований, мученически закатил большенные, как блюдца, карие глаза, откинул белёсую головёнку назад, подальше от ненасытных, обезумевших материнских губ, выгнулся коромыслом и утробно, во все горло заревел. Мать, теперь видя, что сын воротит лицо, чуя, что пробует вылезти из рук, тут же, костеря его на чем свет стоит — бродягу, варнака, шаромыгу, суслика, Божье наказание... — садко отшлёпала, и заднюшка малого багрово запалилась. Ваня закатился в рёве, может быть, жалея, что не уплыл глубже... плыл бы и плыл бесконечно среди шелковистых трав... что дал себя выудить на белый свет, где-то нежат до посинения, то хлещут почём зря, — одна слава, что свет. Спихватившись, мать вновь стала заполошно целовать, вжимать его в грудь, точно желая затискать, заласкать до смертушки, задушить в ласках, чтобы ничего больше не знал, ничего не помнил, кроме ее ласки, чтобы не переживать за него денно и ночью.

¹ — Иманёнок – козлёнок по-сибирски.

² — Отинь — на забайкальском говоре: ленивый.

Кануло в воду лет пять, и вновь парнишка с матерью на озере...

Линялое небо дышало жаром – воистину, горнило щедро протопленной русской печи; сверкало озеро, словно плавилась мелкая рыбёшка-сорожка; а храбрый отрок скрёбся по отмели на ветхой, дырявой лодчонке, отпихиваясь старой оглоблей. Отрок бредил штормовым океаном и капитанской фуражкой с крабом на белоснежном околыше. Башковитый ...с большой башкой... малорослый, поддёргивая чиненные-перечиненные, вечно спадающие... резинки вытянулись... линялые, семейные трусы, сдирая лохмотья кожи с опалённого носа, горланил, величаво глядя на деревенский берег:

*Капитан, обветренный как скалы,
Вышел в море, не дождавшись дня...*

Мирно щипали нежную приозёрную мураву утки, гуси, козы и коровы, кряхтели чушки в голубоватой грязи; по сонной, илистой отмели, вздымая рыжую муть, брели бесштаные мальцы-огольцы, осиянные солнцем, словно ангельскими нимбами. В приозёрном дворе, за тыном, словно белые паруса, полоскались на ветру, стиранные простыни, для просушки развешанные на бечеву. А отрок ...ныне капитан, обветренный как скалы... пел, гордо заломив ушастую, шишкастую голову, стриженную «под-котовского»:

*В Флибустьерском дальнем синем море,
Бригантина подымает паруса...*

Мать, что полоскала бельё с дощатых мостков, гладко вылизанных озёрными волнами, добела опалённых солнцем, грозила капитану мокрыми отцовскими кальсонами:

– Ванька!.. Кому говорю, счас же выбирайся на берег. Лодырь!.. Коровья стайка не чищена, картошка не окучена, а он, барин, прохлаждается на лодочке!..

Капитан огрызается:

– Чо всё я до я стайку чищу. Я чо один пью молоко?! Пусть и Танька стайку почистит...

Мать разглядела дряхлую лодчонку, где Ваня капитанил.

– Ты пошто гнилуху-то спихнул?! Счас вода насочиться, ко дну пойдёт. Утонешь, домой не приходи – задам баню...

Отроческие и младые лета Вани иссякли у озера, отчего и тянуло к великим морям; а коль взошла в беспутую голову эдакая блажь, после восьмого класса рванулся в нахимовское училище, но мать, рогатым ухватом вынимая из русской печи чугуны с картохой, варёной в мундире, пригрозила: «Ухватом отхожу, дак и забудешь про училище. Прижми тёрку, пока не стёр! Нос-то путём не умеешь выколачивать, а туда же... в училище». Поплакал Ваня в стайке, пожаловался корове Майке, да и смирился. А так хотелось стать морским волком...

Песнь вторая

Зеленоватое озеро томилось в покое, — гладкое и ленивое, уснувшее вязким и душным сном, сомлев на жарком солнце. Озёрную гладь не тревожил даже гулевой ветерок из степи, и остекленелым миражом колыхалась угарная тишь, сквозь которую приглушённо пробивались крики рыбаков и чаячьи стоны. При эдакой покойной воде рыба вздымается из глуби, приваливает в берега поживиться мошкой, поиграть на тёплых плёсах; вот тут чайкам да рыбакам, которые вымётывают загрёбистые невода, добрый улов. Пахло тёплой плесенью от застоялой воды, возле берега потянутой жирно-зелёной пеленой; пахло преющей береговой тиной и водорослями, что выбросили шальные волны на песок, и водоросли утратили сочно-зелёный окрас, вылиняли добела и сухо трещали под босыми ступнями.

Вижу сквозь туман полувека: малый с большой стриженной головой и облупленным носом торчит на мели, канючит удочку у брата, что удит окушков, чебачков и прячет в брезентовую котому, висящую на шее. Надоест брату слушать карапуза, сунет малому тальниковую уду, а сам, бросив на берег улов, с радостным воплем, ошалело кинется в озеро и плывёт то кролем, то брассом, а то и по-собачьи, выхваляясь перед сверстными девами, что плещутся на отмели.

И вдруг озеро замерло, осело в памяти светлой печалью по канувшему счастью...

* * *

Хоть ором ори, хоть лопни, родичи малого в лодку не брали, да и от берега гнали, и карапуз, отскулив до звона в стриженной башке, сердито шуганув кур, опрокинувших банку и ворующих червей, убежал на озеро крадче, где и мастерил себе тальниковое удилище. Рыбачил, забредая до пупа, азартно скрадывая, как мелкие, но важные окуньки принохиваются к наживе, куражливо воротят носы, — шибко уж крючки здоровенные, на матерого окуня, да и те чудом вымолил, выплакал у скупого отца.

Вижу: малый крепко сжимает удилишко, весь подался к поплавку, и живым сиянием вьются над парнишкой крикливые

чайки... Отвёл рыбак душеньку, сопрел на палящем солнце, и, спрятав кукан¹ с рыбой под ветхую лодку, заплескался селезнем, ныряя к илистому дну с открытыми глазами, подбирая озёрные ракушки.

А погода на озере менялась столь заполошно, что оторопь брала: вот колыхалась знойная тишь, но вдруг из-за хребта выползла пепельная туча, всплыла на вершину неба, чудовищно разрослась, застив сморённое солнце. Словно с тучи, пал на воду лихой ветер, взбаламутил, смял озёрную гладь и погнал мелкую рябь. Ветер дичал, с варначьим² посвистом бросался на озеро то с восточного берега, то с западного, рождая мёртвую зыбь; и вот уж разгулялись вихрастые волны, белеющие пенистыми барашками; и ясно виделось по тени, как ползла набухшая туча: в ясном поле валы катились сочно зелёные, а в тени — холодно-серые, тоскливые. Мрачная тень укрыла озеро, белый свет охватил печальный морок, и гневные волны с нарастающим рёвом и посвистом кинулись в берега, схлёстываясь, вздымая пенистые вихри.

Ребятишки, что до полудня торчали в озере с долгими, тальниковыми удами, в затишке глухого бревенчатого заплота, развели костерок и на тонких рожнах жарят мелких окушков и чебачков, бесстрашно поглядывая в штормовое озеро, вспоминая: вот озеро нежилось в зелёной и знойной истоме, и вдруг, разбуженное степным ветром, раскачавшись на ветровых качелях, заметалось, застонало, наотмашь кидая на отмель крутые волны, впиваясь в глинистые берега пенистыми клыками.

¹ Кукан – скрученный в кольцо, тальниковый прут, на который снизывались пойманные рыбы.

² Варнак – разбойник по-сибирски.

Песнь третья

Утренняя заря, сонное озеро в сизом тумане, и сонный парнишка в линиялой майке, спадающей с плеча, уложил в плоскодонную лодку уды и котомку из мешковины, куда мать сунула краюху ржаного хлеба и соли. Вода, ещё не позеленевшая под берегом, не взбаламученная волнами – прозрачна, и ломила босые ноги, когда парнишка выводил лодку из мелководья. Потом, разогнав лодчонку, прыгнул на корму и долго, замороженно глядел на озёрное дно: вот песчаная рябь и ракушки, волнисто расписанные озером, вот стелются островки подводной травы, похожей на степную ковыль, вот голубоватая глина, вкрапленная в песок, вот камни и коротенькие топляки, облепленные темно-зелёной тиной. В счастливом томлении хотелось нежно погладить водоросли, как мать гладила его вихры, но, отвлекая, пробуждая рыбачий азарт, из водорослей серебристыми брызгами вымётывались косяки мелкой сорожки и выбегали краснопёрые, шустрые окушки.

Умостившись на скамье, опустив вёсла в уключины, парнишка поплыл встречь восходящему солнцу, к песчаным берегам Черемошника; веслился тихо, потаённо, абы не спугнуть благодатную тишь и тихую радость. А село просыпалось: слышалось ликующее пение петухов, мычание коров, хриплый перелай собак, тархтение раннего трактора, но звуки долетали приглушённо, словно эхо, и не рушили озёрную тишь.

С летами, с морицинами и душевной усталью спасительно нарождалось детство, словно из песчаных осыпей Черемошника выплывало румяное солнышко; и разбуженные чайки трепетали над алой зоревой водой, потом, сыто взмахивая крылами, летели к иным берегам, ещё не озарённым солнцем. И виделось, парит в поредевшем тумане лодка, плоскодонная, похожая на плот; правит к Черемошнику, к солнышку, к ликующим чаячьим крикам; и детство – парнишка в линиялой, вытянутой майке – слушает, вскинув вёсла, как тихо скользит лодка по водной глади, как с вёсел звонко падают капли. Задумчиво скрадывает малый перезвон капель, склонив налысо стриженную голову, тревожно закрыв глаза, почёсывая нос, облупленный на солнце.

Под высоким песчаным берегом клубилась вопящая чаячья

стая, и оголодавшие за ночь чайки бились о воду, выхватывая мелких чебачков; и парнишка, ведая, что за мелочью охотятся матёрые окуни, вкатил в чайчий базар, и вот уже плещутся окуни в отсеках, куда насочилась вода по щиколотку.

Парнишке чудилось в отрочестве, будто приплыл на белый свет в кедровой лодчонке, а потом, когда, покачиваясь в зыбке,¹ сосал варёный бараний курдюк вместо пустышки, хмельной отец сунул в руки удочку: хва, паря, вылёживаться, надо рыбу удить. Не упомянул, в какие лета впервые закинул в озеро жилку, ссучённую из сивого конского хвоста, и, дрожа от азарта, выдернул починного окушка. Уличные дружки-однокашники тоже росли на озере и за утреннюю зорьку могли наудить по ведру увесистых окуней, но парнишка, смалу приваженный отцом к рыбалке, вырос заядлым, фартовым рыбаком и любого мог переудить.

¹ Зыбка – полотняная либо берестяная люлька для грудного дитя, подвешенная к потолку.

Песнь четвёртая

Перед взором, обращённым в малолетство, ожил далёкий от села, дикий берег, где исток, соединяющий два больших озера, похожий на сказочную, глухо и высоко заросшую камышом и талиной, сонную речку.

Привиделась и отцова плоскодонка, потаённо скользящая по тихой и линиялой, предзакатной воде.

Отец с малым сыном кинули сетёшки, вытянув вдоль прибрежной листовой травы, белеющей цветами кувшинками; и перед тем, как плыть к ночлегу, решили убедиться, что сети не легли на траву, не перекрутились в жгут, и сразу же выпутали с дюжину ладных окуней и серебристых чебаков, сдуру залетевших в ячеи.

Осторожно и тихо грёб парнишка вёслами и, замирая от неведомого, сокровенного счастья, любовался розовеющей, словно усыпанной лепестками иван-чая, закатной рябью, оглядывался на отмельную траву, где тянулся за лодкой извилистый след.

— Щучка-шардошка рыбу пожнёт, а рыба из травы ка-а-

ак вылетит да сослепу прямо в сети и угодит, — рассуждал отец, натаскивая сына рыбацкому промыслу. — А тут, Ваня, и мы с тобой...

Отец посиживал на корме, правил лёгоньким кормовым веслом и с надеждой на рыбацкий фарт, довольно оглаживал подбородок, поросший седой щетиной. Потом засмолил толстую самокрутку, опахнул сына махорочным дымом, таким вкусным и уютным среди сырого, по-вечернему зябкого озера. Когда отец поминал добычливую рыбалку в отроческие лета, Ваня счастливо обмирал, веслился старательно, без всплесков, чтобы не пропустить одобрительного взгляда и доброго словечушка... в кои-то век беседуют... чтобы не порушить вечерний, ласковый покой.

Предночным туманом, незримо уплыло детство на отцовской плоскодонной лодке; но, витая над озером, детство являлось в редкие минуты душевного покоя, и тогда разливалась перед застывшим взором сумеречная вода, по которой скользила лодка; и когда вёсла вздымались и замирали, к лодке кралась неземная тишь, словно предтеча тихой Вечности.

Вошли в сказочный исток, причалили к высокому, сухому берегу, и ладная беседа сына с отцом не иссякла и на рыбацьем таборе, где в синеватых сумерках жарили окуней на рожнах, долго пили чай, прикусывая сахар, который отец наколол рыбацким ножом с набранной из бересты, жёлтой рукояткой. Догорал на чёрных вершинах хребта яркий и чистый закат, суля ясное утро; едва тлел углями рыбацкий костерок, бросая красноватые отблески на закопчённый котелок с чаем; дотлевал.

Чернь укутала прибрежные тальники, но луна бледным оком задумчиво глядела на рыбаков, и озёрная рябь взблёскивала, чешуилась в лунном свете. Отец раскинул войлочную попону, укрываться — толстый брезент, и протяжно зевнул.

— Ну, пора и ночевать. Утро вечера мудрее...

— Спи, а я посижу у костра...

Возбуждённый счастьем... редко и скупно одаривал отец малого ласковым словом... Ваня подживил костерок, кинув сухих прутьев, и, зачарованный, следил за синими и красными

листьями огня, трепетно играющими на жарких углях. Иногда вздымался с угретой, травяной подстилки, озираал набухшие ночью тальники, потом — озеро, что устало и одышливо вздыхало в потёмках, а в камышах бормотала рябь и, не давая задремать рыбацкому азарту, доносились всплески ночных рыбин, словно озёрный хозяйнушко, обряженный клочками невода, шлёпал ладонями по воде, шалил, пугал рыбаков, дремлющих по ночным берегам.

Сомлев у костра, Ваня забрался под брезент, прижался к отцовской тёплой спине, вскоре уснул; и во сне плескались полохатые окуни, взблёскивали чебаки.

Песнь пятая

После Покрова Богородицы, после мягких и влажных снегов, вкрадчиво застывших весь белый свет, утаивших тёмную, молчаливую деревню, в ясную ночь Сосновое озеро вдруг замерзло. Ближе к Димитрию-рекоставу, когда голубоватый месяц стыло и сиротливо плавал в белом сиянии, а звезды синё позванивали, — в эдакую пору озеро затихало. С вечера бушевало, полоща на ветру сивые космы, выло со стоном, металось и билось в заиндевелый берег, царапая когтями деревянные мостки, а утром, на тихой заре — лёд. На отмели вчерашние волны обмирали ледяными волнами, за коими стелилась голубоватая гладь. Инеем светились перевёрнутые лодки и увядшая приозёрная трава-мурава.

Ребятишки, едва опомнившись от влажного покровского снега, от садких и жарких снежков, счастливым воплем встречали очередное Божие чудо, что вершилось глухой ночью, заглазно от людей, исподтишка, и чтоб ушлый не узрел, с неба слетал суровый мороз, и посему коровёнки в стайках теснее жались боками, а ребятишки, сомлев у печного тепла, боялись высунуть нос из избы. Ночь же выстаивалась ясная-ясная, прозрачная, как слезинка; видимо, несподручно Димитрию-рекоставу вершить Божье чудо впотьмах.

Днём же, ближе к полудню, когда с неба веяла ленивая оттепель, горохом сыпала деревенская ребятня из чернеющих изб, катилась с яра на молоденький, звончатый лёд, с которого полуденное солнце слизывало ночной иней. По льду плавали жёлтые, зелёные, буроватые пятна, приливающие от воды, песчаного дна и подводной травы, от синего неба и ласково засиявшего солнышка. И, улетаая в степь, гулял по-над озером, залиvistый звон...

Чудо таилось в ежегодном обращении в ледяную степь родного озера, где, кажется, еще вчера купались и рыбачили; чудо являлось в радостном ощущении, что, словно по милости Божией, бежишь, катишься по живой воде, — столь ещё тонок и гибок молоденький лёд.

В телогрейках нараспашку, в малахях, сбитых на затылок, из-под которых топорщились заиндевелые чубы, катались ребя-

тишки на подошвах кирзовых сапог и катанок, подшитых сыромятной кожей; пихали со всей ошалевшей моченьки друг друга, тискали и, будто нечаянно, раскатившись, обнимали, вопили и смеялись от загадочного счастья. Во рту пересыхало, сводило челюсти, и подкашивались ноги; и тогда, сморённые, валились в кучу-малу, смехом переборов мимолётный испуг, поскольку лёд опасно трещал, прогибался, то жалобно, то осерчало звеня, пуская вокруг кучи-малы юркие змейки белых трещин.

Бывало и проваливались, и купались в обжигающе стылой воде, потом, как мать ворчала, издыхали — маялись в беспмятном жару, но это случалось редко; озеро жалело ребят даже в их озорных играх...люди, бывало, не жалели, а озеро жалело... и сколь помнил Иван за двадцать лет жизни в прибрежном селе Сосново-Озерск, утонул лишь хворый парнишка, которого скорчила падучая прямо в воде. Царствие Небесное рабу Божию... А вот сосновоозерские мужики, коль шары вином зальют, что белого света не видят, день и ночь различить не могут, — вот те, бывало, тонули и зимой, и летом. Под вечер, хмельные и ублажённые рыбаками на зимнем неводе...кули мороженных окуней и чебаков гремят в кузове... с песнями и байками разгонят машину посреди озера да так впотьмах и угодят в полынью, глядя на ночь прихваченную нежным льдом, утаённую снежным куржаком и порошей. Бывало, грузовик с разгона далеко улетал под лёд, и редко... редко, кто выгребал к полынье... Но и это случалось не всякую зиму — озеро жило смирно и терпеливо.

Песнь шестая

На уклоне лет привиделись Ивану коренастый паренёк и синеокая светлая дева, а уж была дева или приблазилась в хмельном сне, Бог весть... Отчалили ни свет, ни заря, когда блекло и призрачно осветился лишь край неба, вдоль окутанного ночным мраком, таёжного хребта, когда по озеру ещё бродил белый, холодный туман. Спящее село, коромыслом лежащее на покатых плечах озера, допивало предзоровые, сладкие остатки сна, но уже перемыкивались коровы, выгоняемые хозяйками за околицу, пестро и разноголосно славили зарю прибрежные петухи и, разбуженные зоревым пением, лениво побрели дворовые псы.

Узкодонная, кедровая лодчонка ходко катила по включенной туманом воде, рассекала озеро игриво задранном носом, и за осаженной кормой при всяком загребе весел сыто бурчал обтекающий лодку поток. Иван грёб от души, далеко отмахивая весла, а потом, упиравшись босыми ступнями в дугу, вытягивался вдоль лодки и по-кошачьи жмурился, поглядывая на деву, дремлющую в корме, укутанную в линялый, с потухшими медными пуговками, морской китель; и когда дева, вроде, засыпала, убаюканная сладко воркующей течью, Иван вздымал над ней мокрые весла, и в голые колени впивались острые, стальные капли. Девушка зябко передёргивала плечами и, ойкнув, подбирала ноги под себя, кутала их полами кителя, а потом, пригревшись, млело глядя сквозь напущенные на глаза, белёдые ресницы, с ленивой хитрецей улыбалась и, погрозив остреньким кулачком, снова качалась в озёрной дрёме. Но чутко молодым телом ощущала рывки и скольжение лодки, похожие на тихое падение и затажной взлёт, – словно парила, кружилась в сизом поднебесье; и, похоже, любовью теснилось девье сердце, хотелось отпахнуть руки-крылья и лететь над синевадой, утренней землёй.

Ещё с деревенского берега, когда спихивали лодку на воду, остроокий парень высмотрел на краю озера под Черемошником бело-пёстрый чайный клубок... а чайка зря не слетится вагагой... и сразу же, пробираемый светливой рыбацкой тряской, лихо погнал резвую узкодонку прямо на чаек. А чайный ворох, чем ближе к нему подплывали, рос и рос, потом застил небо, от-

чего казалось, небесная синева расплещивается белопенистыми волнами. Плакали немазаные железные уключины и похоже драли глотки, оголодавшие за ночь, ошалевшие чайки, спутанные в мельтешищий ворох.

Бесшумно, подняв весла... долгие капли замирающе опали в воду... вкатили в чайный базар; так же тихо, боясь спугнуть рыбу, опустили бархак – камень, заменяющий якорь, и тряскими пальцами разматывали жилку на удочках... Томная рябь, исподволь суля фарт, с прищёлком чмокала в борта... Девушка ещё не успела верно настроить глубь, как тут же выдернула первого заполошного окуня, потом другого, третьего... и скоро в лодочных отсеках, буйно расплещивая воду хвостами, обрызгивая рыбаков, запохаживала рыба.

Молодые не заметили, как взошло солнце, растаяло в маревном небе, как рассеялась сытая чайка и давно уж проснулось село: с залитых белым зноем, по-степному широких улиц прилетал на озеро гуд машин, отчаянный стрёкот мотоциклов, залиvistый пустолай дворовых псов; и, перекрывая гуд, рокот, лягт, ор, что есть моченьки надсаживался клубный репродуктор напевающий: «...сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду я одна...»; но, долетая до лодки, крики, звяки, бряки, жухли, увядали и, глухо слившись, касались слуха лишь как эхо светливого света; здесь же вокруг лодки миржил райский покой.

Солнце забралось выше, скопило и дохнуло из себя белёсый зной; рыба, махнув хвостом на мудрёные наживки, отошла к берегу, грелась на солнышке, лениво поигрывая в зеленоватом мелководье, лакомясь мошкой, заносимой случайным ветерком, опадающей, словно манна небесная.

Парень втянул в лодку якорь и погреб на близкий берег, выше песчаной осыпи взъерошенный густым боярышником. Заплыли за прибрежную траву, лежащую на воде долгими листьями, среди которых белели кувшинки, — купавы, купавушки, по-здешнему; и за травой, выгнутой вдоль берега зелёной и бурой тропой, решили искупаться.

Дева, отмахнув руки, колышисто взошла на горделиво вздёрнутый нос лодки, сложила ладошки, словно для молитвы, прижала к лицу и замерла; сразу не набравшись духа, огляделась, да и, залюбовавшись сонным покоем белого озера, опустила руки.

Парень дивился: девья стать, словно вырезана тонко и нежно из тёплого, смуглого древа; любоваться бы и упаси Бог позариться.

Спиной почуя удивлённый взгляд, дева обернулась, из-под нависших крылом волос смущённо и благодарно улыбнулась... нос лодки присел, потом взметнулся к небу, и охнула испуганная вода. Мимолётный, странно волнуемый, пристальный взгляд, девье лицо в паутине волос, в блуждающих отсветах озера, навсегда осев в памяти, весь оставшийся век будут являться и беречь уставшую, дремлющую душу.

Потом Иван смотрел как дева плыла среди подводной муравы, и меж высоких стеблей вилась гибкое тело и тёмной волной стелились волосы; и чудилось, дева не нырнула с лодки, а, словно русалка, вечно блуждая среди придонных трав, плыла мимо и угодила на глаза. Иван смотрел обмершим взглядом ...плавно выгибалась спина, ручьями текли по спине пряди волос... смотрел, хотя и сам сморился на жару, и не грех бы искупаться; и увиденное почудилось заманивающим душным и грешным сном.

Дева, по-ребячьи угловато вскидывая над головой острые, быстрые локти, вспенивая воду ногами, утребла до самого берега, и, выйдя на песок, побрела, нагибаясь, подбирая ракушки с илом, песком, намытым во чрево; а потом, всплёскивая руками и высоко взмётывая колени, бежала дева по плёсому; и голосистый смех летал над водой, и руки, волосы загнанно металась над головой, из-под ног густо били брызги, и в брызгах вспыхивали цветастые радужки.

Иван, искупавшись, устало лежал в лодке и смотрел, как дева, вроде не бежала знойном мираже, а летела по-над плёсом; и коль смотрел Иван слишком пристально, не мигая, в глазах поплыла водянистая рябь, и всё в бегущей странно изменилось: вытянулись ноги, а голова, крохотная, запрокинутая, едва видна...

Но вдруг всё выправилось и тут же обмерло: застыли вспорхнувшие над головой руки и крылья волос, окаменел смех на счерневших губах, повисла над водой нога, замерли на фоне песчаной осыпи белые брызги, обнявшие негасимую радугу; и послышался нудный, как зубная боль, нарастающий вой самолёта, и в зловещем покое перед взрывом – упреждающий глас с раскатистым эхом; потом берег на глазах обуглился, обратился в тень...

Видение, осев лишь в потрясённом сознании, тут же пропало с глаз снова шалый смех волновал девьи губы, снова руки и волосы сплетались и вились в озёрной пляске, а из-под ног били брызги, осиянные заполошной радугой... Истомлённо и счастливо дыша, дева забралась в лодку, склонилась над Иваном, укрыв льющимися волосами, словно тайным покровом...

В село греблись впотьмах, когда поперёк озера выстелилась рябая, бледно жёлтая тропа, и с таинственным всплеском опали в озеро незримые весла, журчала, обмирая, вода в корме, и дева, кутаясь в морской китель, обречённо пела:

*Сронила колечко со правой руки,
Забилось сердечко о милом дружке...*

* * *

Ивану вспомнилось дальше, едва зримое, гаснущее в озёрном мареве: брат, отслуживший четыре года на флоте, пел, когда махнули на рыбалку, а потом брат погиб. Но Ивану не верилось в братову гибель; а думалось: «Илья живёт в далёком селе, и не ложится ему дорога в Сосново-Озёрск; но вот мы съедемся в родном селе и, как в далёкие годы, уплывём на рыбалку к песчаному берегу, кудряво поросшему боярышником. «Вёсла на воду!» – Илья по-боцмански гаркнет, загребёт вёслами, и кедровая лодка рванётся, словно на дыбы, потом хлётко полетит, едва касаясь волн горделиво задранным носом.

Осадистые, мускулистые ноги брата, перевитые жилами, бугрятся, когда Илья, откинув вёсла, упирается ступнями в залитую бурой смолой дугу; а я, подросток, кутаюсь в материну курмушку, – телогрейку, уютно пахнущую сеном да кислым молоком; но мне зябко и в курмушке, и я встряхиваю плечами от призрачно наплывающего, клочкастого тумана. Илья, песельник, чтобы согреть меня, подмигивает: «Терпи, моряк, — капитаном будешь», и затягивает флотскую:

*Гонит волна штормовая,
В дальние дали маня,
Ты не ревнуй, дорогая,
К Чёрному морю меня...*

Вот уже вкатили в чайчий базар, торопливо и азартно заякорились, наживили удочки... и вот уже зачинный, лопатистый окунь, наяривая хвостом, заплясал в отсеке, пошёл ходуном по лодке, потом – другой, третий... Но выплывает из степи медно-

ликое светило; окунь отходит, утомлённые удочки дремлют на борту ...слава Богу, без малого полкуля наудили... и брат веслится к берегу, где разводит жаркий, бездымный костёр, варит чай, запекает на рожнах матёрых окуней.

И на обратном пути раздолжно и голосисто летит по-над озером голос Ильи:

*Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнёт за кормой,
Знакомый платок голубой...*

Не в силах устоять перед напором песни, увесистой, как штормовая волна, пробую подтягивать брнчащим голоском...

* * *

Ныне Иван, летами уже близкий Илье, Царство Небесное брату, видит его лицо в звёздном небе, слышит его пение и, тихо веслясь, подпекает:

*На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман,
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян...*

Дева слушает, откинувшись на корме, бороздя ладонями озеро, а Иван, ласково подмигнув деве, вспоминает иную морскую песню:

*Лейся, песня, на просторе,
Не скучай, не плачь, жена.
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна...
Курс — на берег невидимый,
Бьётся сердце корабля.
Вспоминаю о любимой
У послушного руля...*

Дева, похоже, светлой завистью завидует некой жене, кою любит моряк, и слёзы орошают ресницы; и молодые плывут к селу, уплывая из миражной юности...

Песнь седьмая

Озеро – смирное, податливо-тёплое, напарившее обильную плоть в солнечной бане и теперь ласково и дремотно глядящее в линияное небо иззеленна — голубыми глазами, на кои млело осыпаются белёдые ресницы; озеро – нежно щекопящее ребятишек заалевшей на закате, игривой рябью, а с бывалых и усталых смывающего прохладными, придонными струями тоску и унынье; озеро – изъезженное моторками, с болю рвущими тонкий озёрный покой на птичьих зорях; озеро – вдоль и поперёк процеженное, взборонённое неводами, всё терпящее, щедрое злой и доброй руке, – озеро кормило и поило человека, дарило благостный роздых от житейской смуты на зоревых, призрачно-синих водах, тепло подрумяненных у песчаной косы; питало всякую Божью тварь, бредущую и ползущую к солнечным плёсам; досыта, до буйного зелена поило окрестные земли – вольные степи, бурые таёжные хребты, приозёрные луга и сельские огороды.

Но однажды... однажды, потемнев с лица, угрюмо затаившись, обиженное озеро бранным словом помянет человека, алчного в своекорыстной добыче, взметнёт вдруг в поднебесье мрачные крылья и полетит... полетит с диким посвистом, словно надумав унести с многогрешной земли; и от ярости вымётывая злые, белые когти, бесясь и бессильно рыдая, с пеной у рта будет выплёскивать на песок всё, что тяготит надсаженную утробу; разметет незачаленные лодки, унесёт в пучину, где перевернёт и захлестнёт волной; и день, и ночь будет реветь раненной медведицей, пугая и на чём свет стоит понося человека, решившего, что приручил дикую и вольную птицу; и не приведи Бог угодить рыбаку в свирепые, ледяные объятя озера, ибо, случалось, хмельные, отчаянные, рискнувшие потягаться с волной, находили упокой и вечное похмелье в глухих придонных травах-шелковниках; но... погуляло озеро вволюшку, горько утешило заскрипевшую в мрачном предчувствии, сохнущую грудь, упредило человека, дабы брал, да чуру знал, и в одно ясное утро вдруг разом трезвело, таилось в зоревом смущении; а уж к полудню, покорно выстилаясь на зализанном песке, поигрывая выброшенными белыми ракушками, сочно-зелёной куделью шелковниках, обрывками старых веревок, берестяными наплавами от сетей и неводов, робко омывало человеку натруженные ноги и, словно вымаливая прощение за недавнее буйство, доверчиво приникало к ступням, оглаживало, щекопало рябью.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=Рус)
Б 18

Б 18 Байборodin Анатолий Григорьевич
Озёрные песни / А. Г. Байборodin. – Иркутск: 2024. – 28 с. : илл.

Фотографии Дмитрия Серова

Анатолий Байборodin, уроженец восточно-сибирского села Сосново-Озёрск, посвятил песенные сказы родному Еравнинскому району, где три крупных озера и более тридцати мелких озёр. И село Сосново-Озёрское, где прошло детство и отрочество писателя, расположено на берегу озера Соснового, что истоком соединяется с озером Большая Еравна. Родное село, родное Сосновое озеро Анатолий Байборodin запечатлел в прозаических книгах «Не родит сокола сова», «Озёрное чудо», «Деревенский бунт» (Москва, изд. «Вече»). В песенных сказах использованы отрывки из романа «Поздний сын», из повестей «Купава», «Из грязи в князи», из рассказа «Купель». В книге фотоэтюды Дмитрия Серова, ныне проживающего в селе Сосново-Озёрское.

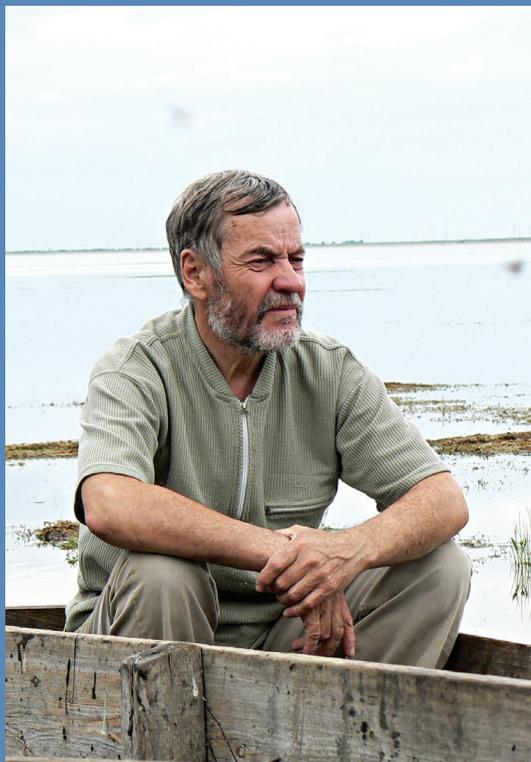
ISBN

Технический редактор П.Н. Казаков

Гарнитура Minion Pro
Тираж 500
Заказ № ____

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
в ООО «Принт-Лайн», г. Иркутск, ул. Сергеева, 5/5.
Тел.: 8-(395-2)-48-66-00;
E-mail: 486600@mail.ru; <https://printline.ru>

@ Байборodin А.Г., 2024 г.
@ Серов Д.А., 2024 г.

СЕРОВ Дмитрий Александрович родился в 1982 году в селе Сосново-Озёрское, Еравнинского района, республики Бурятия. Окончил Сосново-Озёрскую среднюю школу № 2. Работает в Государственной инспекции по маломерным судам ГУ МЧС России по Республике Бурятия. Увлекается фотографией, изучает историю и природу родного края. Автор рассказов и статей, опубликованных на интернет-сайтах.

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич родился в 1950 году в селе Сосново-Озёрское Еравнинского района Республики Бурятия. Окончил филологический факультет Иркутского госуниверситета. Автор шести книг, вышедших в Москве. Составитель книг: Русский месяцеслов. Обычай, обряды, поверия, приметы русского народа. Иркутск, 1998, 2020; Думы о русском с древнейших до нынешних времён. Иркутск, 2020. Лауреат Большой литературной премии России (2007), лауреат Всероссийской национальной премии имени Валентина Распутина I степени (2018).

